

Изначально Чжан Сяо нужно было лишь настроить прибор Чэня для Юань Ивэя и Гао Цюнь, но Ин Чанхэ, подумав, решил добавить его в список задач. Во-первых, чтобы Юань Ивэй мог оценить состояние Чжан Сяо, а во-вторых, на случай, если Чжан Сяо не слишком хорошо справляется с управлением, чтобы он случайно не переместился вместе с ними.

Когда трое приземлились, рука Юань Ивэя болела от того, как крепко её сжимал Чжан Сяо.

Гао Цюнь по-прежнему держал голову Чжан Сяо у себя на груди, и Юань Ивэй был недоволен:

— Чего ты боишься? Слишком сильно сжимаешь.

Чжан Сяо хорошо помнил слова Гао Цюнь о том, что при использовании прибора Чэня для скачка нельзя отпускать руку, поэтому он невольно сжал её сильнее.

Место, где они приземлились, было лесистой местностью, окутанной туманом, с пением птиц. Был ранний утренний час. Чжан Сяо взглянул на прибор Чэня — место и время были верны.

1620 год, последний год правления Ваньли. Они оказались в 27-й день восьмого месяца по лунному календарю. За день до этого корабль «Мэйфлауэр» начал свое путешествие через Атлантический океан из Англии в Новый Свет, неся с собой религию, оружие, вирусы и новую цивилизацию. Вскоре после этого дня на престол взошел император Чжу Юсяо, а до того, как Ван Эр повел голодающих крестьян на штурм уездного города и убил чиновника Чжан Доуяо (*), оставалось семь лет.

Юань Ивэй выглядел напряженным. Вокруг было тихо, и Чжан Сяо не понимал, почему тот так пристально смотрит на него.

— Чжан Сяо... — голос Юань Ивэя дрожал, — я чувствую... я чувствую это.

Чжан Сяо наконец заметил, что рука Юань Ивэя лежала на стволе клена рядом с ним.

Гора Цисяшань была покрыта кленами, и сейчас, в конце лета — начале осени, в горах еще не было осенних красок, только зелень, и лишь звук ветра, проходящего сквозь листву, наполнял воздух шелестом. Вдалеке, среди густой зелени, виднелся угол позолоченной крыши, и доносился медленный звон колокола, который уже почти не был слышен.

Глаза Юань Ивэя покраснели, и он повторял только одно: «Я чувствую это». Заразившись его волнением, Чжан Сяо тоже смутился:

— Это из-за меня?

— Да, да, — Юань Ивэй вытер глаза. — Чжан Сяо... ты действительно удивительный. Барьер Оделиса, возможно, на тебя не влияет, но почему... я не могу понять.

Гао Цюнь, стоявший в стороне, смотрел на горы, не обращая внимания на бормотание Юань Ивэя, и достал компас.

У них с собой была только ручная зарисовка. Последнее упоминание о чаше из исинской глины в форме персика относилось к этому дню на горе Цисяшань.

«Сян Вэн был искусен в гончарном деле, с усердием создавал чаши. Одна из них была в форме персика, пустая внутри, окруженная листьями, гладкая и плотная, все, кто видел её, восхищались», — так говорилось в «Цзянь Тао» (*), присланном из музея. — «В последний год

правления Ваньли её купили за тысячу серебряных монет. На пути через Цисяшань торговый караван попал в засаду, люди погибли, а чаша исчезла».

Место, где были найдены останки слуг торгового каравана, находилось всего в двух километрах от их точки приземления.

— Пора двигаться, — сказал Гао Цюн. — Хватит плакать.

Юань Ивэй снова вытер глаза:

— Эх, ты не понимаешь. Люди нашей профессии сильно подвержены влиянию родителей. Мои родители были археологами, и они никогда не думали, что наступит такой день.

Чжан Сяо стало любопытно:

— А родители Гао Цюн?

Гао Цюн уже шел впереди, и было непонятно, слышал ли он вопрос.

Юань Ивэй продолжал болтать:

— Мой отец, когда ездил в Сычуань, все время говорил, что хотел бы своими глазами увидеть былую славу...

Чжан Сяо терпеливо слушал его долгое время, но так и не услышал ничего о Гао Цюн, и его это огорчило.

— Ладно, пошли, — он потянул за рукав Юань Ивэя. — Если тебе так жалко, сорви веточку и возьми с собой.

— Нет, нельзя, нужно беречь природу, — сказал Юань Ивэй.

Он немного поколебался, сорвал одну веточку, затем еще одну и, наконец, сунул их в сумку, удовлетворенный.

Прошло некоторое время, и Чжан Сяо задумчиво произнес:

— Думаю, нам стоит переодеться.

Юань Ивэй тоже так думал. До того, как он смог прикоснуться к вещам здесь, он не чувствовал этого так остро, но теперь ему казалось, что это совершенно неправильно: они явно не принадлежали этому времени, и если бы их увидели, это могло бы вызвать проблемы.

Они прошли еще немного, и вдруг Юань Ивэй вспомнил кое-что и поспешно схватил Чжан Сяо:

— Черт, вчера я забыл рассказать тебе о правилах выезда.

Его лицо стало серьезным:

— На самом деле правил немного, потому что раньше существовал барьер Оделиса, и нам не приходилось беспокоиться о том, что мы можем нарушить временную линию прошлого. Теперь это не так, и я думаю, придется установить новые правила. Но одно точно останется неизменным — это количество людей в выезде.

Он указал на себя, затем на Гао Цюн:

— Я и ты — проводники, Гао Цюн — часовой. В выезде должно быть минимум два человека, включая одного часового и одного проводника; максимум — три человека, два проводника и один часовой или два часовых и один проводник.

Чжан Сяо удивился:

— Обязательно ли включать управляющего прибором Чэня?

— Не обязательно, проводники должны сопровождать, потому что их сила ментального тела может защитить коллег, и во время пространственного скачка люди не будут разорваны давлением, — объяснил Юань Ивэй. — Управлять прибором Чэня может только его управляющий, раньше это был Чэнь И, теперь — ты. Каждый выезд имеет установленное время, максимум — восемь часов.

Поскольку прибор Чэня показывает только время и место, если управляющий не сопровождает выезд, то время отправления и возвращения должно строго соответствовать расписанию в списке задач. Независимо от того, нашли ли люди на выезде нужные данные, по истечении времени они должны вернуться.

Когда Чэнь И был здесь, он обычно сопровождал выезды, если мог. Иногда он ездил с Чжоу Ша и Юань Ивэем, иногда с Гао Цюн. Если управляющий прибором Чэня сопровождает выезд, время возвращения становится более гибким, в пределах восьми часов, и не обязательно строго следовать расписанию.

Гао Цюн обернулся и посмотрел на Чжан Сяо.

Внезапно в голове Чжан Сяо возник вопрос.

— У меня есть вопрос, — сказал он. — Пространственный скачок опасен?

— Не слишком.

— Проводники сопровождают, чтобы защитить людей на выезде, а зачем тогда часовые? — спросил он. — Раньше, когда существовал барьер Оделиса, люди на выезде не сталкивались с опасностью. Самая большая опасность была во время путешествия туда и обратно, но с этим мог справиться проводник. Зачем тогда обязательно брать часового?

Юань Ивэй промолчал.

Чжан Сяо увидел, что Гао Цюн тоже остановился и смотрит на него. Ему показалось, что взгляд Гао Цюн подбадривает его продолжать.

— Барьер Оделиса защищал нас от контакта с людьми и событиями прошлого, так что на выезде достаточно было одного проводника, чтобы выполнить задачу, — Чжан Сяо посмотрел на Юань Ивэя. — Какая необходимость в часовом?

Юань Ивэй отвернулся:

— Это правило. Я не знаю.

— Ты знаешь, — вдруг сказал Гао Цюн. — Ты и Ин Чанхэ, как долго вы собираетесь скрывать это от него?

Чжан Сяо замер:

— Что?

— На самом деле использование прибора Чэня для пространственного скачка очень опасно, и опасность эта не может быть устранена только силой ментального тела проводника, — быстро проговорил Гао Цюн. — Чжан Сяо, прежде чем ты принял эту работу, Ин Чанхэ скрыл от тебя кое-что важное...

— Гао Цюн! — резко прервал его Юань Ивэй. — Мы подписывали соглашение о неразглашении.

Чжан Сяо пристально смотрел на Юань Ивэй, затем на Гао Цюн.

— Чжан Сяо тоже может подписать соглашение, но сначала он должен узнать об этом, — лицо Гао Цюн было спокойным, даже упрямым. — Вы не можете позволить ему продолжать работать вслепую.

— Мы расскажем, но не сейчас, — быстро и нервно сказал Юань Ивэй. — Давай сначала закончим эту задачу. Пошли.

Гао Цюн не шевельнулся. Его взгляд упал на Чжан Сяо:

— Если они не скажут, скажу я. Кто-нибудь упоминал инцидент 819?

— Гао Цюн! — Юань Ивэй шагнул вперед и схватил его за плечо. — Это нарушение!

— Я временный работник, мне что, бояться? — Гао Цюн хмуро посмотрел на Юань Ивэй. — Он доверяет тебе, доверяет Чжоу Ша, доверяет Ин Чанхэ. Но никто из вас не решается рассказать ему об этом.

Чжан Сяо был в недоумении, его сердце бешено колотилось. Интуиция подсказывала ему, что то, что сейчас собирается сказать Гао Цюн, довольно страшное.

<http://bllate.org/book/16847/1550149>